

Особенности преодоления культурологических различий при переводе художественного текста

Аннотация: В статье затрагиваются проблемы адекватного перевода художественных произведений и сохранения национально-культурного своеобразия оригинала, а также способы анализа текста оригинала с целью выявления имплицитных смыслов текста оригинала. Здесь же исследуются проблемы герменевтики, связанные с толкованием скрытых смыслов текста, а также рассматриваются вопросы, связанные со способами верной передачи национально-культурных реалий с исходного языка на ПЯ.

Ключевые слова: перевод, адекватность, культура, национальное своеобразие, анализ текста, художественное произведение, понимание, герменевтика

Abstract: The article deals with the problems of one-for-one translation of works of art retaining national and cultural originality of the text, the ways of its analysis with the purpose of elicitation of implicit meaning of the original text. The problems of hermeneutics connected with the interpretation of hidden meanings of the text is being investigated along with the examination of the questions concerned with the ways of correct conveyance of national and cultural realities while translating from original language into translated.

Key words: translation, adequacy, culture, national originality, analysis of the text, work of art, comprehension, hermeneutics

Как известно, одним из основных источников восприятия инациональной культуры является художественная литература. Однако, надо заметить, что в пространстве национальной литературы не все произведения в одинаковой степени несут информацию о культуре народа.

В некоторых произведениях художественной литературы культурологическая информация дается имплицитно, а в иных – эксплицитно.

Для выявления и передачи на другой язык всех элементов и художественных особенностей произведения с имплицитными смыслами используются ряд методов и способов анализа текста. Без такого анализа невозможно создать адекватный и полноценный перевод. Для полного сохранения культурологической информации переводимого текста на другом языке необходимо прежде всего до мельчайших деталей освоить и понять исходный текст, сделать его своим.

Те, кто отрицает возможности адекватного и полноценного перевода любых текстов художественной литературы, в качестве основного аргумента в пользу своей теории выдвигают именно проблему восприятия и понимания текста, утверждая, что переводчик не в состоянии полностью и адекватно осознать и понять всё то, что хотел сказать и что подразумевал автор оригинала. Они утверждают, что каждый человек воспринимает всё окружающее, в том числе и художественно-образные элементы текста, через свою локальную культуру, т. е. над ним всегда довлеет прагматический аспект восприятия текста. Исходя из вышесказанного, давайте попытаемся показать возможности осмысления художественного текста с помощью текстологического, герменевтического и других видов анализа.

Как известно, в классическом своем понимании герменевтический анализ первоначально использовался для толкования сакральных текстов, однако в дальнейшем этот же способ стал применяться и в других областях как письменной, так и устной литературы. Как правило, герменевтика не только описывает механизм понимания и теоретически осмысляет его сущность, но и пытается разработать методологические идеи понимания. Смысл, заложенный, например, в произведениях Низами, Пушкина, Гоголя, столь грандиозен, что можно говорить о его бесконечности и неисчерпаемости. Потому и возникает необходимость перечитывания великих произведений гениальных мастеров. Как отмечал в свое время В.Г. Белинский: «Художественное произведение редко поражает душу читателя сильным впечатлением с первого раза: чаще оно требует, чтобы в него постепенно вглядывались и вдумывались, оно открывается не вдруг, так что чем больше его перечитываешь, тем дольше углубляешься в его организацию, улавливаешь новые, не замеченные прежде черты, открываешь новые красоты и тем больше ими наслаждаешься»¹.

Проблемы понимания касались многие ученые. Вот что писал по этому поводу А.Г. Горнфельд: «Понимать – значит вкладывать свой смысл, и история каждого художественного сознания есть настоящая смена этих новых смыслов, новых пониманий»².

Ряд исследователей считает, что отношение «текст – читатель» есть формализованное отношение футляра и содержимого, вкладываемого в него. Разные интерпретации, по их мнению, будучи обусловлены «воспринимательно-конструктивной деятельностью читателя», в равной мере допустимы. Однако они являются так называемыми «моментами ложного понимания». Современная эстетика и теория литературы заостряют внимание на зависимости характера воздействия художественных произведений от индивидуальных психологических особенностей различных реципиентов, эпохи, национальной культуры, сквозь призму которой осуществляется художественное восприятие, и т. д. Другими словами, художественная рецепция обусловлена объективными социально-историческими предпосылками и субъективными особенностями читателя. История искусства дает много примеров разных судеб произведений. Опыт исследователей свидетельствует, что одно и то же произведение по-разному воздействует на аудиторию.

Было бы неверным отрицать, что понимание есть завершающий этап коммуникации. По мнению М. Бахтина, понимание – онтологический аспект познания, отражающий «встроенность» интерпретатора в мир природы и культуры. Понимание – один из видов мысли в мире, в отличие от видов «мысли о мире»³. М.М. Бахтин

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. Соч.: В 13 т. Т. 1. М., 1953. С. 35.

² Горнфельд А.Г. Пути творчества: Статьи о художественном слове. Пг., 1922. С. 118.

³ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 364.

видит в процессе понимания четыре момента: психофизиологическое восприятие знака, его узнавание, понимание его значения в определенном контексте и активно-диалогическое понимание. Понимание – тип знания, не обладающий самостоятельным значением и не способный ни подтвердить, ни опровергнуть содержание знания¹. Понять можно лишь знаковую систему, которая ранее была наделена смыслом. А наделены смыслом продукты человеческой деятельности, т. е. элементы материальной и духовной культуры. Они все воплощают в себе мысли, чувства, цели человека и поэтому могут стать объектом понимания. Мы понимаем мысль автора настолько, насколько оказываемся близки ему; в мысли запечатлевается его духовный мир, автору же не удастся полностью отразить себя и свои мысли в тексте. Понимание выявляет объективный онтологический пласт культурных традиций, запечатленных, с одной стороны, в тексте, а с другой – в духовном мире и культурной подготовке интерпретатора. Мера и степень понимания во многом зависят от уровня адекватности, или схожести, или близости этих традиций. А.Л. Никифоров следующим образом развивает свою концепцию понимания: «смыслы, которые индивид приписывает объектам понимания, он черпает из своего мира – мира индивидуального сознания, образующего основу понимания»².

Осознавая текст, переводчик включает его в свой внутренний индивидуальный смысловой контекст, сопоставляя и соотнося с ним отдельные смысловые единицы, и через эти сопоставления интерпретирует текст и выявляет его смысл. Индивидуальный контекст верно определяется А.Л. Никифоровым как возникающий из усвоения человеком культуры общества и личного жизненного опыта. Однако не только этот контекст участвует в процессе перевода. Понимание всегда встроено в определенную культурную традицию.

Одна из трудноразрешимых задач теории понимания – проблема герменевтического круга. Самое распространенное представление о герменевтическом круге состоит в том, что целое нельзя понять, не понимая его частей. Понимание части предполагает, что целое уже понято. Казалось бы, этот круг замыкается, не оставляя выходов за свои пределы. Как же постичь всеобщее, когда читатель в каждый конкретный момент имеет дело только с отдельным отрезком? Герменевтика на этот вопрос отвечает следующим образом: сама природа понимания преодолевает этот круг. Природа духовной целостности культурного феномена такова, что всеобщее содержит в себе каждый отдельный момент текста, а каждый отдельный его момент содержит в себе всеобщее. Постигая всеобщее, мы постигаем и всё отдельное, все частности – и наоборот.

Герменевтический круг размыкается и разрешается, во-первых, тем, что понимание начинается с предварительного уяснения некоторого целого; во-вторых, тем, что части рассматриваются во взаимосвязи и взаимодействии с целым. «Опираясь на... ограниченное понимание целого, в ходе дальнейшей интерпретации добиваются уточнения значения частей, а затем уже, исходя из этого, достигают более полного и глубокого понимания целого. Этот процесс взаимодействия частей и целого повторяется и дальше, приводя каждый раз к уточнению и углублению нашего понимания»³. Герменевтика полагает, что понимание есть процесс, на каждом этапе

¹ *Малиновская К.В.* Понимание и его роль в науке // *Философские науки.* 1974. № 1. С. 49–55.

² *Никифоров А.Л.* Семантическая концепция понимания // *Проблемы объяснения и понимания в научном познании.* М., 1982. С. 53.

³ *Рузавин Г.И.* Проблема интерпретации и понимания в герменевтике // *Проблемы объяснения и понимания в научном познании.* С. 34.

которого достигается определенный уровень понимания. «...Диалектический характер взаимодействия частей и целого в процессе интерпретации свидетельствует об относительном характере всякого понимания. Но это, конечно, не исключает, а скорее предполагает абсолютный момент в понимании»¹.

Нельзя оспорить тот факт, что любой анализ произведения искусства является его интерпретацией. Интерпретация художественного произведения – это перевод его культурного содержания из знаково-мертвых форм в реально-конститутивные функции культуры. Без понимания и определения этой конечной цели и культурной функции – интерпретация лишена смысла и значимости.

Как известно, слово является основным элементом, в котором находит свое отражение культура. Именно слово есть основная иноязычная единица, подлежащая усвоению при изучении иностранного языка. Большое количество слов имеют семантику, отражающую в себе своеобразие национальной культуры. Такие лингвистические единицы относятся к словам с культурным компонентом.

При переводе вышеуказанных слов без детализации и подробного анализа невозможна передача на другой язык культурного факта языка подлинника. Попытка перевода таких слов без соответствующих комментариев приведет к дословному восприятию иноязычного слова, что нарушает в итоге национально-культурное своеобразие народа – носителя языка подлинника. При семантизации подобных слов основным способом правильного восприятия их иноязычным реципиентом является так называемое лингвострановедческое комментирование.

В процессе перевода слов с культурным компонентом в обязательном порядке должны учитываться информированность адресата переводного текста о предмете сообщения. Обычно информация текста ИЯ понятна носителям ИЯ и культуры, а читателю переводного текста может остаться совершенно непонятной. В этом случае коммуникация (контакт) не состоится на должном уровне.

В некоторых случаях иноязычному читателю, владеющему языком оригинала, но не имеющему фоновых знаний, трудно бывает воспринимать слова и выражения, содержащие в себе имплицитные смыслы. Например, в стихотворении А.С. Пушкина «Ты и Вы» читаем: «Пустое *вы* сердечным *ты* она обмолвись заменила, И все счастливые мечты В душе влюбленной возбудила. Пред ней задумчиво стою, Свести очей с нее нет силы; И говорю ей: как *вы* милы! И мыслю: как *тебя* люблю!» Не каждому англоязычному читателю (даже если он владеет русским языком, но незнаком с русской культурой и речевым этикетом) будет понятен смысл этого стихотворения, а тем более, если его перевести на английский язык: вряд ли там останется тот смысл, который вложил в эти строки великий мастер слова А.С. Пушкин. При переводе этого стихотворения важным фактором восприятия переводного текста иноязычным реципиентом является раскрытие всех смыслов оригинала, используя различные способы. Или же как разъяснить в переводе иноязычному читателю, незнакомому с историей России, кто такие большевики и почему их так называли. В таких случаях целесообразно использовать историко-этимологическое комментирование.

Нередко в различных языках, в том числе и в русском, некоторые слова имеют коннотацию, т. е. дополнительное содержание слова, добавочное значение, которые накладываются на его основное значение. Для раскрытия этих значений

¹ Рузавин Г.И. Понимание как комплексная методологическая проблема // Проблемы объяснения и понимания в научном познании. С. 15.

необходим так называемый художественно-образный комментарий. (Это такие слова, как береза, осина, дуб и т. д.)

В процессе перевода переводчик встречается с передачей на другой язык имен собственных с культурным компонентом. В данном случае значимым является и возраст имени, и его социальная и территориальная принадлежность (городские и сельские имена). Имена также играют важную роль в тексте и выражают определенную групповую информацию, к тому же некоторые имена могут нести индивидуальную, внеязыкового характера информацию (Фома, Емеля, Макар и т. д.) Некоторые имена собственные становятся со временем нарицательными, например: Митрофанушка, дядя Степа, Михаил Потапыч, Васька и т. д.

Потеря при переводе значимого слова меняет содержание как контекста, так и самого текста. А искажение стиля автора ведет за собой упрощение поэтики оригинала, что, несомненно, сказывается не только на передаче «деталей», «подтекстов», «символов», но и на восприятии «духа» оригинала, который и должен оказать на читателя адекватное оригиналу воздействие. Переводчик, освоив, переработав и переварив всё это, может адекватно передать все нюансы оригинала – как в плане содержания, так и в плане выражения. Одним словом, проникая в дух и психику другого народа, переводчик воссоздает национальное своеобразие подлинника с учетом всех трудностей, понимая, что он обязан воссоздать для иноязычного читателя имеющиеся там образы, верно представить нравы, эстетические взгляды автора. Приведем пример неверного восприятия текста, вследствие чего искажается не только смысл оригинала, но и перевод становится непонятным. Обратимся к отрывку из романа М. Сулейманлы «Кочевье» и его переводу на русский язык. В оригинале читаем: «Еу уегі-гöуü уагадан». В переводе Т. Калякиной: «О создатель тверди и небес...». На наш взгляд, в данном случае это выражение переведено неверно, потому что в Библии говорится:

И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так.

И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй.

И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так.

И назвал Бог сушу землею, собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо¹.

Верной передачей было бы следующее: «О создатель неба и земли». «Создатель тверди и небес» означает «создатель неба и небес», что является тавтологией. С другой стороны, приведем толкование «тверди» Далем: «всякое твердое основание, опора, подпора, на что можно стать, поставить что, или опереться... Твердь земная, материк, суша, земля, толща. Твердь небесная, весь видимый нами, безграничный простор вокруг земли нашей, относимый глазом к одной полой плоскости, на которой являются нам все светила».

Приведенная неточность связана с несоотнесенностью фразы оригинала с более широким, непосредственно не фиксируемым в тексте оригинала контекстом.

Национальные традиции и особенности художественного мышления народа не существуют сами по себе. Каждый раз они преломляются через конкретную творческую индивидуальность. Мы много говорим о передаче национального колорита в переводах. Но передать национальный колорит – значит передать в первую очередь чью-то индивидуальную поэтическую интонацию. И наоборот:

¹ Библия. Книга священного писания ветхого и нового завета. Канонические, в русском переводе с параллельными местами. Б.м., 1991. С. 5.

пренебрежение к творческому облику поэта есть в то же время и пренебрежение к его национальному своеобразию.

В подтверждение к сказанному рассмотрим более подробно некоторые способы перевода национально-культурных реалий на материале перевода на русский язык произведений известного азербайджанского писателя Абдуррагим бека Ахвердова.

Обратим внимание на перевод национальных реалий с помощью транслитерации средствами ПЯ, где передается графическая форма слова ИЯ, а также, при транскрипции, его звуковая форма. Например:

– Bu səbzıqovurma nədir burada? / – Это что за сабзиговурма?

Или:

Ağ ƣaxalı, ağ arxalıqlı, ikiüzlü Buxara dərısındın papaqlı,şışmangöbəyi üzərində gümüş kəmərlı Mirzə Səfəri hamı tanıyırdı. / Все знали Мирзу Сафара – в белом архалуке, в белой чохе, в шапке из бухарского каракуля и с серебряным поясом на круглом животе.

Обратим внимание на некоторые примеры транслитерации из рассказов А. Ахвердова «Seyidlər ocağı» и «İt oyunu»:

Bu prokuror ki görürsünüz, bir vaxt N qəzasının bəlayi-nəgahanı idi. Nə etməli ki, indi təqdiriqəzadan mənim bozbaşına möhtac olub¹. / Вот этот прокурор, которого вы видите, был некогда силой в Н-ском уезде и власть имел превеликую. Что подделаешь против неумолимого рока, по воле которого теперь он нуждается в моем бозбаше. (*«История с собакой»*, пер. Азиз Шариф).

Axşam seidlərin hər ikisi axund evinə qonaq getdilər². / Вечером оба сеида сидели у ахунда. (*«Святая могила»*, пер. Али Алиев).

Для передачи культурной реалии исходного текста применяются также прием калькирования, который заключается в передаче безэквивалентной лексики ИЯ при помощи замены ее составных частей – морфем или слов их прямыми лексическими соответствиями в ПЯ. Чаще всего этот способ используется для передачи названий памятников культуры и истории, исторических событий, различного рода титулов и географических названий.

Транслитерации и кальки в сопровождении поясняющих элементов используются в тех случаях, когда переводчик стремится вызвать у читателя ощущение национального колорита или когда обозначаемые реалиями понятия не могут быть опущены.

Например, как это и сделал Азиз Шариф при переводе рассказа А. Ахвердова «Святая могила»:

«Uzunqulaqlı» kəndi səkkiz yüz evdən ibarətdir. Camaatın həştad faizi hacı, kərbəlai və məşədidirlər³. / В селе Длинноухом восемьсот домов. Каждые восемьдесят из ста жителей совершили паломничество и имеют звания гаджи, кербелай и машади.

Другим способом передачи реалий ИЯ на ПЯ является описательный перевод. Смысл описательного перевода заключается в раскрытии значения лексической единицы ИЯ при помощи развернутых словосочетаний, раскрывающих существенные признаки обозначаемого данной единицей явления, т. е., другими словами, при помощи ее дефиниции (определения) на ПЯ. Например:

Bizim bu yekəpapaqlarda anlaq nə gəzir, gedirlər bazara, gəlirlər evlərinə, bir az zəhrimar yeyib uyxılıb yatırlar və elə bilirlər ki, həyat sürürlər. / Откуда быть разуму у наших мужей

¹ Əbdürrəhim bəy Haqverdiyev. Seçilmiş əsərləri. İki cildə. II cild. Bakı: Lider nəşriyyat, 2005. S. 10, 249.

² Там же. С. 232.

³ Там же. С. 249.

в больших папах? Идут на базар, возвращаются домой, поедят немного отравы, заваливаются спать и думают, будто они живут.

Хотя описательный перевод и раскрывает значение исходной безэквивалентной лексики, он имеет один недостаток, а именно, описательный перевод слишком громоздкий и неэкономный. Поэтому чаще всего он применяется для передачи значений реалий в двуязычных словарях, а при переводе художественных текстов переводчики чаще прибегают к сочетанию двух приемов – описательному переводу и транскрипции или калькированию, где первый дается в сноске или в качестве комментария.

Приведем два примера из рассказа «Отец и сын»:

Naci Xəlil, müsin şəxs həştad beş il dünyada ömür edəndən sonra, xudavəndi-ələmin əmrini yerinə yetirməkdə idi. Bir böyük otağın ortasında hacının üzü qibləyə uzadıb, başının üstündə molla tilavəti Quran etməyə məşğul idi¹. / Гаджи Халил, глубокий старик восьмидесяти пяти лет, исполняя волю божью, покидал этот мир. Он лежал в большой комнате лицом к гиле², у его изголовья молла читал Коран.

Budur Mirzə Nəşib, iranlı qoca kişi yuxarı başda əyləşib qabağında bir dəstə çubuq, gözlərində eynək, uşaqlara məşq başı yazmağa məşğuldur və uşaqlar divarın dibində cərgə ilə düzülüb oturublar. Kimisi dərs oxuyur, kimisi falaqqadan təzə çıxmış ayaqlarını ovuşdurub ağlayır və kimisi yoldaşlarının paraqlarından yun qopardıb manqala salır ki, bəlkə gün çıxa. / Вот Мирза Насиб, старик иранец, восседая на почетном месте, посвящает ребят в азы грамоты и письма, а ребята сидят вдоль стены в один ряд. Перед моллой куча хворостин, на носу у него очки. Один из товарищей учит урок, другой, растирая ноги, только что высвобожденные из фалакки, плачет, а третий, вырвав клочок шерсти из шапки соседа, бросает в мангал, чтоб показалось солнце. (Фалакка – деревяшка, к которой привязывали ноги провинившегося и хворостиной били по пяткам; поверье: жгли шерсть – и это якобы сулило прояснение погоды).

Для перевода некоторых реалий можно также использовать приближенный перевод, смысл которого заключается в подыскании ближайшего по значению соответствия в ПЯ для лексической единицы ИЯ, не имеющей в ПЯ точных соответствий.

Только переводчик, чувствующий себя свободно в иноязычном материале, может рассчитывать на полноценное воссоздание на своем языке выбранного им иноязычного оригинала. Помимо того, переводчик должен изучить не только само переводимое произведение, его идеи и форму выражения этих идей, но и особенности мировоззрения и художественных методов автора, написавшего это произведение. Говоря словами С. Маршака, «переводчик должен не только знать, что сказал автор оригинальных стихов, но и что этот автор сказал бы и чего сказать бы не мог»³. Только в этом случае можно говорить о полноценном, адекватном переводе какого-либо художественного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М., 1953. 540 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 424 с.

Горнфельд А.Г. Пути творчества: Статьи о художественном слове. Пб. [Пг.]: Колос, 1922. 232, [1] с.

¹ Там же. С. 7.

² Гибла – направление, соответствующее месту захоронения пророка.

³ *Маршак С.* Поэзия перевода // Литературная газета. 1962. 31 мая.

Малиновская К.В. Понимание и его роль в науке // *Философские науки*. 1974. № 1. С. 49–55.

Никифоров А.Л. Семантическая концепция понимания // *Проблемы объяснения и понимания в научном познании*. М., 1983. С. 43–64.

Рузавин Г.И. Проблема интерпретации и понимания в герменевтике // *Проблемы объяснения и понимания в научном познании*. М., 1983. С. 188.

Рузавин Г.И. Понимание как комплексная методологическая проблема // *Проблемы объяснения и понимания в научном познании*. М., 1983. С. 45–58.

Библия. Книга священного писания ветхого и нового завета. Канонические, в русском переводе с параллельными местами. Б.м.: Новая жизнь, 1991. 1350 с.

Маршак С.Я. Поэзия перевода // *Литературная газета*. 1962. 31 мая.

Əbdürrəhim bəy Haqverdiyev. Seçilmiş əsərləri. İki cildə. II cild. Bakı: Lider nəşriyyat, 2005. 408 s.

REFERENCES

Belinsky V.G. The Complete Works: In 13 vols. Vol. 1. Moscow. 1953. 540 p.

Bakhtin M.M. (1979) *Aesthetics of Verbal Art*. Moscow. Iskusstvo Publ. 424 p.

Gornfeld A.G. (1922) *The Ways of the Artistic Creation: Articles on the Artistic Word*. Peterburg [Petrograd]. Kolos Publ. 232, [1] p.

Malinovskaya K.V. Understanding and its Role in Science. *Philosophical Sciences*. 1974. No 1, pp. 49–55.

Nikiforov A.L. The Semantic Conception of Understanding. In: *The Problems of Explanation and Understanding in Scientific Cognition*. Moscow. 1983, pp. 43–64.

Ruzavin G.I. The Problem of the Interpretation and Understanding in Hermeneutics. In: *The Problems of Explanation and Understanding in Scientific Cognition*. Moscow. 1983, pp. 188.

Ruzavin G.I. Understanding as a Complex Methodological Problem. In: *The Problems of Explanation and Understanding in Scientific Cognition*. Moscow. 1983, pp. 45–58.

Bible. The Book of St. Scriptures of the Old and New Testaments. Canonical, the Russian translation with parallel passages. Novaya Zhizn Publ. 1991. 1350 p.

Marshak S.Ya. Poetry of Translation. *Literaturnaya Gazeta*. May 31, 1962.

Əbdürrəhim bəy Haqverdiyev. Seçilmiş əsərləri. İki cildə. II cild. Bakı: Lider nəşriyyat, 2005. 408 s.

Сведения об авторе:

Гаджиев Кямран Аливерди оглы,

канд. филол. наук

доцент

и.о. декана филологического факультета

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Баку

Kamran oglu Hajiyev Aliverdi,

PhD

Assistant Professor

Acting Dean of the Philological Faculty

Lomonosov Moscow State University branch Lomonosov Moscow State University in Baku

gadjiyev@inbox.ru